

DOI: 10.31857/S0130386425010192

© 2025 г. Я.А. Голубинов

ПЕРЕСОБИРАНИЕ ВРЕМЕНИ: К ВОПРОСУ О ТЕМПОРАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ФРОНТОВОГО ОПЫТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рец. на книгу: WAR TIME: FIRST WORLD WAR PERSPECTIVES ON TEMPORALITY / eds L. Halewood, A. Luptak, H. Smyth. London: Routledge, 2018. 234 p.*Голубинов Ярослав Анатольевич — кандидат исторических наук, декан исторического факультета Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самара, Россия.)**E-mail: golubinov.yaa@ssau.ru**Scopus Author ID: 57199159320; ORCID: 0000-0002-2274-4989; Researcher ID: I-6089-2015**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01430.***Y.A. Golubinov**

REASSEMBLING OF TIME: ON THE QUESTION OF THE TEMPORAL COMPONENT OF FRONTLINE EXPERIENCE DURING THE FIRST WORLD WAR

Rec. ad op.: WAR TIME: FIRST WORLD WAR PERSPECTIVES ON TEMPORALITY / eds L. Halewood, A. Luptak, H. Smyth. London: Routledge, 2018. 234 p.*Yaroslav Golubinov, Samara National Research University (Samara, Russia).**E-mail: golubinov.yaa@ssau.ru**Scopus Author ID: 57199159320; ORCID: 0000-0002-2274-4989; Researcher ID: I-6089-2015**The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 24-28-01430.*

Обычно, когда говорят о Первой мировой войне, то прежде всего обращают внимание на театры военных действий, раскинувшихся широко в Европе, Азии (от Ближнего до Дальнего Востока), Африке, а морские сражения отмечены, кажется, во всех океанах, включая приполярные воды. Современная зарубежная историография стремится уйти от регионального описания конфликта (преимущественно Европы) и переключиться на анализ его глобального характера, делая объектом исследования территории, которые формально войной не были затронуты, где не велись военные действия, но произошли серьезные изменения в социально-экономической сфере жизни общества, а также стало заметно влияние военной экономики на окружающую среду¹. После масштабных публичных и исследовательских проектов, порожденных мемориальными мероприятиями к 100-летию Великой войны, интерес к разным аспектам мирового конфликта 1914–1918 гг.

возрос и в России, что вызвало появление значительного числа публикаций, освещавших жизнь различных территорий империи во время войны².

Любопытно, что вслед за изучением спатильности (пространственности) конфликта наблюдаются попытки обращения и к его темпоральности (временности). За рубежом этот вопрос только начал разрабатываться, и, как всегда, анализируются прежде всего источники с западно-европейского театра военных действий. Для отечественной же науки темпоральность Первой мировой войны пока маргинальная проблематика, практически не исследованная ни в рамках истории конфликта³, ни в контексте изучения практик обращения со временем в эпоху модерна.

В связи с этим хочется обратить внимание отечественных исследователей на рецензируемый сборник «Военное время: темпоральные перспективы Первой мировой войны», вышедший в серии «Исследования Первой мировой войны» и подготовленный по

¹ Compagnon O., Purseigle P. Geographies of Mobilization and Territories of Belligerence during the First World War / trans. E. Rundell // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2016. Vol. 71. № 1. P. 37–64; Landscapes of the First World War / eds S. Daly, M. Salvante, V. Wilcox. Cham, 2018.

² О состоянии историографии Первой мировой войны в России и других странах см.: Writing the Great War: The Historiography of World War I from 1918 to the Present / eds C. Cornelissen, A. Weinrich. New York, 2020.

материалам прошедшей в 2016 г. 9-й конференции Международного общества Первой мировой войны (International Society for First World War Studies)⁴. Несмотря на несколько лет, прошедшие с момента публикации, сборник, как нам представляется, сохранил благодаря теме свою научную актуальность.

Любопытно, все авторы статей в сборнике были довольно молоды на момент участия в конференции и представляли научные школы Великобритании, Германии, Израйля, Италии, Канады, Нидерландов. Большинство — аспиранты (шесть человек), и еще четыре автора получили ученую степень незадолго до публикации. Редакторы сборника (британские исследователи из Оксфорда) еще только работали над своими диссертациями. Единственным маститым историком в этой компании оказался ирландец — профессор Дублинского университета Джон Хорн, написавший небольшое предисловие к сборнику.

Д. Хорн указал на несколько способов обращения к теме времени в связи с изучением Первой мировой войны (с. VII—VIII). Во-первых, эта война выступила для современников водоразделом эпох, временем трансформации старого мира, предопределила облик нового миропорядка⁵. Во-вторых, говорить о времени войны можно, исследуя темпоральную организацию жизни фронта и тыла. В данном случае открывается множество сюжетов, связанных с изменением темпа/ритма/скорости жизни миллионов людей, вынужденных приспосабливаться к условиям позиционной войны или, допустим, существованию в лагере военнопленных. В-третьих, вписывание войны в рамку больших периодов (larger timeframes) позволяет историкам перекалибровать, как пишет Д. Хорн, видение войны с дистанции в 100 лет. Действительно, Первая мировая война у разных исследователей служила началом или важной вехой в развитии XX в., «короткого» (Э. Хобсбаум) или «длинного» (Дж. Арриги).

Редакторы сборника подчеркнули, что тема времени (темпоральности) войны чрезвычайно редка в историографии, причем среди первопроходцев оказался, например, П. Фассел⁶. Впрочем, в этом случае приходит на помощь историография изучения

темпоральности модерна⁷, и многие из исследователей (М. Экстайнс, Дж. Уинтер, С. Хайнс) говорили так или иначе о влиянии войны на «темпоральный режим» (термин Ф. Артога) современности, четче всего на эту связь указал С. Керн. В целом можно согласиться с редакторами, что темпоральной проблематике Первой мировой войны «не уделялось должного внимания», и статьи сборника хотя бы отчасти раскрывают, «как люди ощущали время в период войны и после нее; как на них влияли меняющиеся представления о времени и манипуляции с ним; как они использовали время для передачи определенных посланий; и как изменилось их понимание времени в результате конфликта» (с. 2).

В соответствии с тематикой сборника и сюжетами статей в нем выделены три раздела: «Скорость, темп и замедление», «Переориентация и память», «Отношения между прошлым, настоящим и будущим».

В четырех статьях первого раздела рассматриваются проблемы столкновения военного и медицинского подходов при планировании времени восстановления раненых солдат в госпиталях (А. Энциенсбергер и А. Грилини), темпоральных разрывов между фронтом и тылом на примере волонтерских групп материальной поддержки армий Британской империи в Канаде и Австралии (С. Марти), создания так называемой окопной прессы (газет прежде всего) и ее связи с модернизмом в литературе (С. Ван Дейк).

Три статьи второго раздела сборника о конструировании особого «детского» времени войны (А. Монд проанализировал сочинения лондонских школьников, бывших под впечатлением от налетов немецких цеппелинов), конструировании памяти о войне и роли времени в этом процессе у немецких авиаторов (Р. Ренни), отражении и пересобираании индивидуальной, коллективной и национальной памяти в итальянских солдатских фотолубках (Э. Гросси).

Третий раздел (три статьи) посвящен тому, как «современники взаимодействовали с темпоральной грамматикой прошлого, настоящего и будущего». Э. Гарбер обратился к вопросу о поддержании памяти о Первой мировой войне у ее ветеранов в связи с появлением нового поколения комбатантов уже Второй мировой войны и связанных с этим коммеморативных процессов. С. Лести показал, какую трансформацию претерпели праздники католической церкви в годы Первой мировой войны, а также как они способствовали возвращению общества к условно нормальному, довоенному ходу вещей после нее.

³ Немногие исключения присутствуют в исследованиях, которые можно назвать военно-антропологическими, например: *Сенявская Е.С.* Время и пространство на войне // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3. № 1. С. 5—17 (и ряд других ее работ); *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014.

⁴ Отчет о ней см.: *Smyth H., Luptak A., Halewood L.* Conference Report: International Society for First World War Studies conference, "War Time" // Defence-In-Depth. 2016. URL: <https://defenceindepth.co/2016/11/21/conference-report-international-society-for-first-world-war-studies-conference-war-time/> (дата обращения: 24.11.2024).

⁵ Сам Д. Хорн знаком российским читателям по сборнику статей о таком изменении. См.: *Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917—1923.* Сб. статей / ред. Р. Герварт, Д. Хорн. М., 2014.

⁶ В двух книгах, одна из которых более известна у нас благодаря переводу на русский язык, Фассел обратился к темам восприятия войны, в том числе и с темпоральной точки зрения: *Fussell P.* Wartime: understanding and behavior in the Second World War. New York, 1989; *Фассел П.* Великая война и современная память. СПб., 2015 (оригинальное издание вышло в 1975 г.).

⁷ Подробно об этом см., например: *Bevernage B., Lorenz C.* Breaking up time: negotiating the borders between present, past and future // *Storia della storiografia — Histoire de l'historiographie — History of historiography — Geschichte der Geschichtsschreibung.* 2013. Vol. 63. № 1. P. 31—50.

Финальная глава сборника (А. Мэйхью) посвящена морали комбатантов Великой войны и ожиданию ими лучшего будущего (по сравнению с довоенным прошлым) после окончания конфликта. Автор обращает внимание на риторику высказываний солдат о будущем, в которой оказались переплетены темы возникновения более справедливого общества и победы над Германией.

Так или иначе все авторы обратились к тематике времени, связав темпоральность прежде всего с историей эмоций, а также социальной историей, проблемой конструирования наций, историей религии. Среди представленных текстов сложно выделить лучший, но можно согласиться с участниками вышеупомянутой конференции, что исследование Монда о переживаниях лондонских школьников, зафиксированных в нескольких десятках сочинений, которые собирались специально еще во время войны, особенно удалось. Монд показывает, как изменилась жизнь горожан в Лондоне в связи с налетами немецкой авиации. Она приобрела особый темпоральный характер, поскольку из-за ночных налетов население было вынуждено пересмотреть свои привычки и расписания рутинных маршрутов. Приготовление к налетам авиации и их отражение, появление практик укрытия в убежищах, избегания опасных мест также способствовали размытию «взрослого» и «детского» времени у горожан. Школьники были вынуждены вступить во «взрослое» (в смысле выполнения определенных обязанностей, одинокового со всеми переживаниями и преодоления жизненных трудностей) время раньше привычного срока из-за военных обстоятельств.

В целом подход, избранный составителями сборника, следует только приветствовать. Авторы статей показали, как можно раздвинуть привычные рамки изучения Первой мировой войны, найти новые сюжеты, а также обозначили новые направления в изучении конфликта 1914–1918 гг. Не всегда, правда, новизна сюжетов сочетается с новизной подходов. Думается, что сборник в целом довольно традиционен в плане использованной методологии, но стоит отметить стремление авторов показать темпоральность Первой мировой войны как прямое следствие изменения отношения ко времени в эпоху модерна, а также выявить, вслед за Ф. Артогом, изменения в «режиме историчности» (regime of historicity) европейского общества. Интересно, что разговоры о времени в сборнике – это разговоры именно о европейском времени. Лишь в одном случае автор статьи выходит за пределы Старого света, говоря о проблеме, так сказать, синхронизации политических времен метрополии и доминионов.

Наверное, стремление выйти за границы Европы, оставаясь в историографическом тренде, привело к появлению в 2020 г. в Австралии сборника научных статей с похожим названием, редакторы которого прежде всего хотели показать «пространственно-временное переплетение» феноменов Первой мировой, а главными категориями анализа выступили понятия «близости» и «отдаленности» в пространстве и во времени⁸. Другим важным продолжением в изучении проблематики темпоральности Первой мировой войны стали работы французского

историка Николя Бопрэ⁹. Его внимание привлекли организация времени комбатантов, синхронизация их жизни с природными циклами, с одной стороны, с другой – с нерегулярными и непредсказуемыми (для солдатских масс) наступлениями, а также определение фронтовиками своего темпорального положения относительно утраченного прошлого, бесконечного милитаризованного настоящего и призрачного будущего.

Библиография / References

Астахов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014.

Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. Сб. статей / ред. Р. Герварт, Д. Хорн. М., 2014.

Сенявская Е.С. Время и пространство на войне // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3. № 1. С. 5–17.

Фассел П. Великая война и современная память. СПб., 2015.

Astakhov A.B. Russkij front v 1914 – nachale 1917 goda: voennyj opyt i sovremennost' [Russian front in 1914 – beginning of 1917: military experience and modernity]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Fassel P. Velikaja vojna i sovremennaja pamjat' [The Great War and modern memory]. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)

Senjavskaia E.S. Vremja i prostranstvo na vojne [Time and space of war] // Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii [History psychology and sociology of history]. 2010. T. 3. № 1. S. 5–17. (In Russ.)

Vojna vo vremja mira: Voenizirovannye konflikty posle Pervoj mirovoj vojny [War in time of peace: militarized conflicts after the First World War]. 1917–1923/ red. R. Gervart, D. Horn. Moskva, 2014. (In Russ.)

Beaupré N. "Time and the Soldier": Experiences of Time in the Great War // Time on a Human Scale: Experiencing the Present in Europe, 1860–1930 / eds J. Wright, A. Fryxell. London, 2021. P. 257–276.

Beaupré N. En temps de guerre (1914–1918). Paris, 2023.

Bevernage B., Lorenz C. Breaking up time: negotiating the borders between present, past and future // Storia della storiografia – Histoire de l'historiographie – History of historiography – Geschichte der Geschichtsschreibung. 2013. Vol. 63. № 1. P. 31–50.

Compagnon O., Purseige P. Geographies of Mobilization and Territories of Belligerence during the First World War / trans. E. Rundell // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2016. Vol. 71. № 1. P. 37–64.

Fussell P. Wartime: understanding and behavior in the Second World War. New York, 1989.

Landscapes of the First World War / eds S. Daly, M. Salvante, V. Wilcox. Cham, 2018.

Proximity and distance: space, time and World War I / eds R. Fathi, E. Carlton Robertson. Victoria, 2020.

Smyth H., Luptak A., Halewood L. Conference Report: International Society for First World War Studies conference, "War Time" // Defence-In-Depth. 2016. URL: <https://defenceindepth.co/2016/11/21/conference-report-international-society-for-first-world-war-studies-conference-war-time/> (access date: 24.11.2024).

Writing the Great War: The Historiography of World War I from 1918 to the Present / eds C. Cornelissen, A. Weinrich. New York, 2020.

⁸ Proximity and distance: space, time and World War I / eds R. Fathi, E. Carlton Robertson. Victoria, 2020.

⁹ Beaupré N. "Time and the Soldier": Experiences of Time in the Great War // Time on a Human Scale: Experiencing the Present in Europe, 1860–1930 / eds J. Wright, A. Fryxell. London, 2021. P. 257–276; *Idem*. En temps de guerre (1914–1918). Paris, 2023.